

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

*Р. Р. Вахитов***Литературоведческие идеи П. Н. Савицкого
(предисловие к публикации)**

Евразийство 1920-1930-х годов было не только политической идеологией, которая вызывает острый интерес и по сей день, но и оригинальным междисциплинарным исследовательским проектом, которому сегодня, увы, уделяется гораздо меньшее внимание. В то же время евразийцы как представители особой синтетической науки — россиеведения, истоки которой восходят к работам Д. И. Менделеева, высказали ряд интересных и перспективных научных гипотез. Многие из них предвосхитили развитие соответствующих научных дисциплин на десятилетия (учение о языковых союзах, обоснование фонологической географии, концепция экономических циклов российской истории, геоэкономическая концепция океанического и континентального хозяйства, концепция преемства Московского царства политическим традициям Золотой Орды, критика европоцентристского подхода к истории кочевых народов и т. д.). Россиеведческие исследования евразийцев стали одним из фокусов интеллектуальных поисков русской и зарубежной философии и гуманитарных наук начала XX века. Тетрадики евразийства (прежде всего, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Р. О. Якобсон, В. Н. Ильин и др.) вели очный и заочный диалог с наиболее значимыми представителями гуманитарного знания конца XIX — начала XX века — от Г. Тарда и Ф. де Соссюра до В. Ламанского и Я. Мукаржовского. Евразийство как научный проект было местом встречи или, как выразились бы евразийцы, «увязки» диалектического метода в его неоплатонической и гегелевских интерпретациях, неокантианской теории ценностей, немецкой феноменологии, православной онтологии симфонических личностей, русского формализма, славянского структурализма. Методология евразийского россиеведения повлияла на формирование идей структурализма в лингвистике (Пражский лингвистический кружок) и философии, но она не просто предвосхищала французский философский структурализм 1950-1960-х годов, а была своеобразной его альтернативой, опирающейся не на субъективистскую философию неокантианского толка, а на онтологическую философию всеединства и симфонической личности. Это обеспечивает актуальность и эвристическую ценность идей евразийства и в наши дни.

Конечно, в круг интересов евразийства входила и русская литература. В настоящее время неплохо исследовано литературоведческое и литературно-критическое наследие П. П. Сувчинского, Д. П. Мирского¹. Несколько хуже обстоят дела с литературоведческими изысканиями Н. С. Трубецкого (работами о древнерусской литературе и о трудах Ф.М. Достоевского), которые заслоняются его лингвистическими и культурологическими и этнографическими работами. Что же касается литературоведческих идей П.Н. Савицкого, то о них не только нет сколько-нибудь серьезных работ, само их существование игнорируется боль-

¹ См. работы А.Г. Гачевой, О.А. Казниной, С.Г. Семеновой, С. Ключникова и др.

шинством современных исследователей евразийства. Вместе с тем они обладают большой оригинальностью и перспективностью, что отмечал единомышленник и соратник Савицкий по евразийскому движению Н. С. Трубецкой.

Конечно, Савицкий не был профессиональным литературоведом и даже просто филологом. Петр Николаевич Савицкий по образованию был географ и экономист. Он — прежде всего создатель экономической и геополитической доктрины евразийства. Вместе с тем Савицкий был человеком удивительной эрудиции, широты интересов и дарований. Он успешно занимался не только географией и экономикой, но и историей, историософией, культурологией, политологией. Он живо интересовался новейшими идеями и сам мог порождать их в изобилии, обладал даром популяризировать мысли других и заражать своими мыслями соратников и единомышленников. Например, именно он «заразил» других евразийцев концепцией номогенеза Л. Берга, которая впоследствии оказала влияние на создание структурной лингвистики и учения о языковых союзах Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном. Он указал Трубецкому и Якобсону на примерное совпадение линий изотерм и изоглосс на карте России (то есть на совпадение областей с однородной температурой и областей, где распространены определенные говоры), тем самым Савицкий подтолкнул их к революционному прорыву в области лингвистической географии. Он с восторгом принял фонологию и описание евразийского языкового союза и откликнулся на это выдвижением научной программы евразийства, где намечал соотнести результаты лингвистики, географии, истории и т. д.¹ Поэтому понятно, что Савицкий не мог обойти вниманием и проблемы литературы и литературоведения.

Собственно работ по теории и истории литературы у Савицкого, действительно, мало («Житие пророка Аввакума как географический источник», «Местодействие в русской литературе (географическая сторона истории литературы)», «Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца)»²). Они разбросаны по малотиражным зарубежным научным сборникам и почти недоступны современному читателю. Некоторые из них вообще до сих пор не опубликованы и находятся в архиве. Наконец, для того, чтоб их адекватно понять, нужно быть знакомым с россиеведческой концепцией П. Н. Савицкого в полном объеме, а некоторые ее идеи, в особенности содержащиеся в «структуралистских манифестах», которые Савицкий подписывал псевдонимом «Логовиков»³, также мало известны и редко упоминаются и анализируются даже специалистами. Тем более актуальным становится изложение и анализ их основных идей. Мы считаем,

¹ См. Логовиков П. В. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Издание евразийцев. Париж, 1931. С. 53—57.

² Савицкий П. Н. «Житие» пророка Аввакума как географический первоисточник: к годовщине со дня кончины Г. И. Танфильева // Научные труды Русского народного университета, Т. 2. Прага, 1929. С. 78—91; Савицкий П. Н. «Местодействие в русской литературе (Географическая сторона истории литературы)» Resume prednasky // Praha: Vybor 1. sjezdu slovanskych filologu. 1929. С. 3; Савицкий П. Н. Историко-географические заметки по поводу новой русской литературы (заметки евразийца). См. статью в настоящем издании; Савицкий П. Н. «Литература факта» в «Слове о полку Игореве» // Sveslavenski zbornik. Spomenica o tisućugodisnjici hrvatskoga kraljevstva, U Zagrebu, 1930. С. 344—354.

³ Так их называет современный исследователь А. Полухин, см. Полухин А. М. Теория месторазвития в евразийской историософии // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ. 1998—2001.

что это нужно не только специалистам по истории русской эмигрантской мысли, идеи Савицкого, безусловно, заинтересуют и профессиональных литературоведов.

Савицкий высказывает несколько оригинальных литературоведческих гипотез. Все они так или иначе перекликаются с «формальным методом», что признает и сам Савицкий¹. Конечно, было бы не просто преувеличением, но и прямой ошибкой отнести Савицкого как исследователя литературы к формалистам, при всей размытости этого термина, позволяющей причислять к формалистам значительный круг литературоведов и искусствоведов. Современные историки философии и науки (А. Полухин, П. Серио) уже показали², что скорее Савицкий, равно как и Трубецкой, был своеобразным структуралистом, отличающимся от французских структуралистов холистической, онтологической позицией (в виде программных тезисов структурализм Савицкого был сформулирован в начале 1930-х гг., но как дискурс он присутствовал и в работах 1920-х гг.). Вместе с тем структурализм Савицкого (также как и структурализм Трубецкого и Якобсона), конечно, не только имел переклички, но и был связан с формализмом. Формалисты должны были привлечь внимание Савицкого потому что пафос их научно-исследовательской программы — изучение структур текста, произведения литературы как системы³ был близок научным ориентирам Савицкого, который также всегда искал в географических, климатических, культурных, экономических зонах, а также в российской истории внутреннюю организацию, периодичность, ритмы и циклы⁴. Кроме того, обращение Савицкого и других евразийцев к формальному методу (а Савицкий прямо ссылается на него в своих литературоведческих работах, в частности в ниже публикуемой статье) объясняется личными мотивами, связанными с кругом общения Савицкого. Многие формалисты и, главным образом, деятели ОПОЯЗа были участниками Московского лингвистического кружка, в который до революции входил Н. С. Трубецкой. Уже находясь в эмиграции Трубецкой вел с ними активную научную переписку, а один из частых его адресатов — теоретик ОПОЯЗа Роман Якобсон впоследствии сам эмигрировал и примкнул к евразийскому движению. Савицкий мог заочно участвовать в общении Трубецкого с формалистами, обсуждая с ним лично и в письмах их идеи. В связи с этим Савицкий, конечно, читал в Праге работы формалистов (в статье о новой литературе он цитирует В. Шкловского). В 1920-е годы «железного занавеса» еще не было и выходящие в СССР книги и журналы были доступны в эмиграции.

Савицкого интересовали, прежде всего, организация и внутренние связи всей русской литературы. Это ярко видно на материале статьи о новой литературе. В ней Савицкий сразу же намечает бинарные оппозиции, выделяя в русской литературе две ветви: реалистическую и историософическую (в принципе они могут быть выделены и в других национальных литературах)⁵. Реалистическая литера-

¹ См. публикуемую статью о новой литературе в настоящем издании.

² См. Полухин А. М. Теория месторазвития в евразийской историософии // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ. 1998-2001; Серио Патрик Структура и целостность Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе. 1920—1930-е гг. — М., 2001.

³ См. работы Ю. Тынянова, Р. Якобсона 1920-х гг.

⁴ См. указанную статью П.В. Логовикова (П. Н. Савицкого).

⁵ Примером произведения историософического характера (в смысле, который придает термину Савицкий) является в зарубежной литературе, на наш взгляд, «Сто лет одиночества» Маркеса.

тура изображает «...людей, «как они есть» в истории, обстоятельства, быт»¹. К этой ветви принадлежит значительная часть произведений русской литературы XIX–XX вв. Историсофическая литература изображает не людей, а некие общие «начала», духовные сущности. Здесь «человеческая личность растворяется ... в «сущностях»: и перед нами только «сущность», несомая личностью; и нет больше личности как таковой»². Причем, «сущности» выражаются не только в отдельных личностях, а в целых «рядах» личностей, которые состояются из выразителей одной сущности и протягиваются на десятилетия и века. Это может быть история одного рода, но не обязательно, иногда ряды включают в себя схожие социальные типажи, которые как бы переходят из эпохи в эпоху, это могут быть ряды разбойников, деспотов, Божьих угодников. Причем, эти ряды симметричны и бинарны, одному ряду противостоит другой, Савицкий называл это «двупреемством» или «двутрадиционностью».

Иными словами, историсофическая литература живописует многообразно преломленный в истории тип или выражаясь терминами персонологии Трубецкого, не частночеловеческую, а многочеловеческую коллективную личность³. Истоки русской историсофической литературы Савицкий видел в литературе XVIII века с ее героями, воплощающими добродетели и пороки. К такого рода литературе он относил творчество Гоголя, Достоевского, Лескова. (творчество Лескова вообще привлекало внимание евразийцев, так, ему посвятил статью П. П. Сучинский⁴) Пародию на ряды Савицкий находил, например, в родословной Башмачкина у Гоголя. Историсофическая литература переживает свой расцвет по Савицкому в СССР в 1920-е годы, сюда он относит творчество Л. Леонова, А. Яковлева, Б. Пильняка, Вс. Вяч. Иванова. Пример «рядов» теоретик евразийства видит у Леонова — в описании династии Боковых, в преемстве Пафнутия и Мельхисидека, в описании истории вражды между крестьянами сел Гусаки и Воры, у Яковлева — в образе волжской вольницы, которая бунтует от времен Разина и Пугачева до гражданской войны XX века.

Сущностями, которые выражает советская историсофическая литература 1920-х годов, являются Православие и Революция (и тут мы видим образец бинарности: наряду с рядами разбойников и бунтарей эта литература изображает «ряды» богоискателей и аскетов). Историсофичность литературы 1920-х годов не случайна: в революционную эпоху по Савицкому «сама жизнь сгустилась до кисторисофии»⁵.

Кроме того, Савицкий отмечает и «другие преемства» — теперь уже в самой литературе. Это повторение в произведениях русской литературы таких элементов как мотивы. Савицкий видит в этом знаменательный факт, ведь традиции «жизненно-бытийные» и литературные в основе едины, так как литература отображает жизнь и вырастает из нее. В литературе 1920-х годов Савицкий отмечал развитие мотивов, которые есть в литературе классической — у Пушкина, Гого-

¹ Савицкий П. Н. «Историко-географические заметки по поводу новой русской литературы (заметки евразийца)» См. статью в настоящем издании.

² Там же.

³ См. предисловие в сборнике Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самосознания» (Париж, 1927).

⁴ Сучинский П. Знамена былого (О Лескове) // На путях. Утверждение Евразийцев. Книга вторая. Берлин: Книгоиздательство Геликон 1922.

⁵ Савицкий П. Н. «Историко-географические заметки по поводу новой русской литературы (за-

ля, Достоевского (так, мотивы «Станционного зрителя», «Шинели» и «Бедных людей» ожили у Леонова в «Записях некоторых эпизодов...»), где фигурирует свой «бедный человек» — Андрей Петрович Ковякин). Примечательно, что оговариваясь о том, что его не интересует, как передаются мотивы от классических писателей к современным, Савицкий снова упоминает формалистов, а именно В. Шкловского; в связи с этим интересно было бы позднее рассмотреть вопрос о том, не повлияло ли формалистское истолкование категории «мотив» на Савицкого.

Теоретик евразийства предсказывал и дальнейшее развитие историософической линии в советской литературе. Действительно, в прозе 1960—1980-х гг. мы встречаем целое направление писателей, так называемых «деревенщиков» (Абрамов, Распутин, Белов и др.), для которых свойственна именно историософичность в смысле, который придавал термину Савицкий; они размышляют о связи поколений, об истории русской деревни, о разрыве связи между деревенскими стариками и их городскими детьми и внуками, о том, как преодолеть этот разрыв. Впрочем, в современной постсоветской литературе историософическая струя, кажется, ослабевает.

Далее, Савицкий ставит проблему соотношения литературы и других видов искусства в русской культуре. При этом он выдвигает интересную гипотезу (которая поначалу встретила горячее одобрение Трубецкого)¹ о том, что в разные периоды в русской культуре господствовали то изобразительно-зрительные искусства (живопись, пластика, зодчество, прикладное искусство), то словесно-слуховые (литература, музыка). Эта классификация искусств, кстати, напоминает лессинговское раз-

---

метки евразийца) См. статью в настоящем издании.

¹ В письме к П. Н. Савицкому от 21 февраля 1929 года Трубецкой корректирует свою оценку: «Ваша тема «местодействия» интересна и важна, но мне кажется что тут можно пока только поставить вопрос, наметить самую проблему, конкретной же разработки пока дать невозможно. При постановке вопроса следует, по-моему, строго различать два понятия «литературы», — с одной стороны, литературного фона, слагающегося из совокупности более или менее общепринятых в данную эпоху литературных навыков, приемов и трафаретов и являющегося непререкаемым условием всякого литературного бытия, а с другой стороны, большой литературы, всегда индивидуальной, отталкивающейся от фона, но в то же время все-таки в этом фоне укорененная и им обусловленная. «Литературный фон» бытует, главным образом, в произведениях бездарных или второстепенных писателей, «большая литература» — в произведениях писателей даровитых. Модное местодействие — явление из области литературного фона; лишь очень редко эту моду создает большой писатель. Поэтому изучать перемещение местодействий (литературную колонизацию) приходится не на произведениях крупных писателей, а на массовой литературе. Между тем, история массовой литературы очень мало разработана: историки литературы больше прельщаются изучением отдельных крупных писателей. Методы изучения массовой литературы (литературного фона) и большой литературы довольно различны. Об этом есть мысли у Якобсона. Поговорите с ним, — в литературе XVIII в. вряд ли можно найти материал по интересующему Вас вопросу. Эту литературу вообще характеризует особый род мышления, который можно бы назвать «алгебраическим» и который исключает конкретизацию, в том числе и географическую. Менее других «алгебраичен» Державин. У него имеются географические приурочения, но очень случайные. Общая его географическая ориентация скорее на север. То же, пожалуй, можно сказать и о Ломоносове. Но, в общем, до Пушкинской эпохи местодействие вообще несущественно. Кстати, по поводу Вашей прежней работы над местодействием в русской литературе я высказывал Вам мысль, что в XVIII в. живопись влияла на литературу, а в XIX в. — наоборот, литература на живопись. При более близком ознакомлении с литературой XVIII в. я, однако, теперь отказываюсь от этого обобщения: «живописен» из писателей XVIII в. один только Державин, только он один действительно вдохновлялся живописью. Кроме того, известны ещё некоторые второстепенные поэты, которые одновременно были и живописцами или архитекторами (Львов, Вельяминов); однако, в их поэтических произведениях этот биографический факт никак не отразился» Никитин О. В. Россия вне России: из наблюдений

деление искусств на пространственные и временные¹. В средневековье на Руси господствовало искусство первого изобразительно-зрительного типа или как выражался Савицкий, для русской культуры была характерна «жизнь иконой». И хотя русское средневековье и породило выдающиеся произведения литературы (Савицкий приводит в качестве примера «Житие» протопопа Аввакума²), но все же в основной части средневековая литература — это тоже икона, но «словесная». Наоборот, с середины XIX среди искусств в русской культуре выступает на первый план литература (и связанная с ней литературная критика³), русские начинают «жить литературой» и хотя и культура XIX—XX веков знала выдающиеся произведения живописи (Врубель, Васнецов) все же основная масса картин — это «повести в красках» («передвижники»). Балет и театр Савицкий относил к искусствам переходного типа, так как литературный материал здесь получает выражение изобразительными средствами, расцвет русского балета и театра в XIX—XX веках Савицкий связывал с общим поворотом культуры в сторону искусств словесно-слуховых. Теоретик евразийства отмечал, что даже революция 1917 года не переломила этой тенденции: в послереволюционной России господствует литература, и в меньшей степени театр и балет; попытка возрождения изобразительно-зрительных искусств (вероятно, имеется в виду творчество художников-авангардистов первых лет революции, которое претендовало на статус официальной живописи «рабочей республики») не удалась (Савицкий объясняет это как материальным оскудением после гражданской войны: ведь живопись и тем более зодчество нуждаются в дорогих материалах, так и несоответствием этих искусств общему «историософическому» пафосу эпохи). Савицкий предрекал, что эта литературоцентричность сохранится в СССР и впоследствии; тут он оказался прав лишь частично. Сталинская эпоха принесла упадок литературы, театра, но зато возрождение архитектуры, скульптуры, живописи, «дохнуло средневековьем» с его «иконоцентризмом», соцреалистический портрет, изображавший в согласии с жесткими канонами, рабочих, крестьян, героев, вождей партии, и в тоже время игравший огромную роль в социальной жизни (такие портреты висели на улицах, в кабинетах, их несли во время демонстраций) стал своеобразной «квази-иконой», вместившей в себя важнейшие интенции указанного периода. Но уже со второй половины 1950-х годов русско-советская культура снова поворачивает на рельсы литературоцентризма, господства словесно-слуховых искусств, а также искусств промежуточного типа (театр, балета и не упомянутого Савицким кино), тем самым, подтверждая прогноз Савицкого.

Наконец, самой оригинальной и на наш взгляд самой значимой литературоведческой гипотезой Савицкого стала его концепция литературной («поэтической») колонизации или географического (географо-этнографического) подхода к литературе. Савицкий пишет, что это «поход со стороны установления тех географических ландшафтов, которые отобразились в литературно-действенных ве-

---

над языком и стилем писем Н. С. Трубецкого // Рус. яз. за рубежом. — М., 2000. — № 2. С. 83—86.

¹ Благодарим Б. В. Орехова за то, что он обратил на это наше внимание.

² Аввакум, как и Лесков — излюбленный автор евразийцев, Д. П. Святополк-Мирский выступил со статьей об Аввакуме в книге IV «Евразийского временника» (1925 г.), Н. С. Трубецкой уделил ему внимание в своих лекциях по древнерусской литературе.

³ Савицкий различал две линии русской критики — ложную, революционную критику, в которой политика довлеет над культурой (Белинский, Добролюбов, Писарев и др.) и подлинную «историософскую» критику (славянофилы и их последователи), в которой культура довлеет над политикой, вторая линия была гораздо менее известна и влиятельна, но за ней — верит Савицкий — будущее.

щах эпохи»¹. Имеется в виду, что каждый писатель в силу особенностей биографии «избирает в качестве местодействия» в своих произведениях определенную географическую и этнографическую среду, но при этом данный феномен не лишен закономерности, потому что каждая эпоха в истории литературы имеет «географических избранников», «географические ландшафты», в рамках которых они особенно охотно помещают своих «героев»², а также племена и народности, которые проживают на этих ландшафтах и быт которых затрагивается и описывается в произведениях.

Очевидно, что по мере продвижения народа вглубь географического мира, который, по Савицкому, ему предназначен, литература охватывает все новые и новые географические ландшафты и этнографические среды. Задачей литературы в этом смысле является полное освоение или полная географическая колонизация мира данного народа.

Так, описывая поэтическую колонизацию России, Савицкий отмечал, что лучше всего русской классической литературой освоена доуральская Россия (северная и центральная Россия), включая ее окраины (Украина, Крым, Бессарабия, Кавказ), хуже — Поволжье, Приуралье, еще предстоит освоить зауральскую Россию (Сибирь, Дальний Восток), а также Туркестан. Это — задача новой советской литературы, и она уже начинает ее выполнять. Большое количество прозаических произведений 1920-х гг. посвящено Поволжью (Леонов, Горький, Яковлев, Федин), Приуралью и Башкирии (Сейфулина), Дальнему Востоку (Вс. Вяч. Иванов). Литературно колонизируя Россию, русские и в особенности советские писатели описывают особенности жизни и быта иных, нерусских народов (так в литературе 1920-х гг. много говорится о мордве), таким образом осознается евразийский лик России.

Интересно, что своеобразное оправдание такого географического изучения произведений литературы Савицкий ищет и находит опять-таки в «формальном методе». Он пишет в первом варианте статьи о новой литературе: «... новейшее явление в области истории литературы, т. наз. «формальный метод» предполагает между прочим возникновение отдельных от него исторических иных толкований по поводу творений литературы: «Формалисты ... говорят ... что бытовые черты, отражающиеся в литературных произведениях, отражаются и в нелитературных памятниках, а потому составляют предмет не истории литературы, а истории быта и местодействия». На предлежащих страницах некоторые критические замечания по поводу новой литературы ... дополнены рассмотрением литературы с точки зрения географической приуроченности ее описаний и местодействий»³. Действительно, формалисты были убеждены, что целью литературоведения является не изучение литературы, а изучение «литературности». Якобсон сравнивал старое литературоведение с полицейским, который арестовал всех, кто был в квартире, где произошло преступление (имея в виду, что оно изучало не только приемы и методы писателей, но и исторические особенности эпохи, психологию героев, что по мнению Якобсона есть задача специальных наук). Са-

---

¹ Савицкий П.Н. «Историко-географические заметки по поводу новой русской литературы (заметки евразийца)» См. статью в настоящем издании.

² Там же.

³ Там же.

вицкий сделал отсюда правильный вывод, что такой подход открывает возможность исследовать произведения литературы не только литературоведам, но также и географам. В самом деле, произведения литературы полны описаний тех или иных географических областей, ландшафтов и т.д. Обычно они привлекают внимание лишь специалистов по тому или иному автору или периоду литературы, внимание же ученых-естественников проходит мимо этих описаний. Савицкий считал данную позицию неправильной и вводил в оборот произведения литературы как источник географии (так, анализируя «Житие Аввакума», он пришел к выводу, что Аввакум был так точен в описании природы Урала и Сибири, что может быть назван предтечей русского озероведения¹; анализируя «Слово о полку Игореве»², Савицкий отмечал точность автора при описании природы степи³). При этом Савицкий не считал данный метод литературоведческим, что спорно, так, например, современное литературоведение отвергает формалистское сужение предмета науки о литературе.

Литература, наряду с науками, в частности географией, согласно Савицкому, является одним из средств познания нашего российского мира — «месторазвития Россия-Евразия». Напомним, что месторазвитие — центральное понятие геополитической и геоэкономической концепции Савицкого. Он определяет его как единство природного и социально-культурного начал. Изучение месторазвития в различных его аспектах (географическом, историческом, экономическом и т.д.) есть главная задача русской науки, провозглашал Савицкий в программной статье «Научные задачи евразийства», Для этого комплексного изучения России нужна новая дисциплина — россиеведение, которая будет соединять усилия нескольких наук — геополитики, геоэкономики, геолингвистики, геoarхеологии. Савицкий пишет: «Наряду с геополитическим, можно и должно создать геоэкономическое, геoтнографическое, геoarхеологическое, геолингвистическое учение о России-Евразии. И все их можно и должно свести в единую «картину-систему». Это — одна из сторон того историко-географического синтеза, к которому призвано наше время»⁴. Очевидно, что в этот ряд органически вписывается наука, которую условно можно назвать геопоэтика, и основы которой заложены в литературоведческих трудах Савицкого. Она изучает русскую литературу, но не саму по себе, а в контексте развития месторазвития Россия-Евразия. В этом случае литературная колонизация России предстает не как случайный процесс, связанный

¹ См. Савицкий П. Н. «Житие» протопopa Аввакума как географический первоисточник: к годовщине со дня кончины Г. И. Танфильева // Научные труды Русского народного университета, Т. 2 Прага, 1929. С. 78—91.

² Следует заметить, что в статье о «Слове» Савицкий ссылается на первое издание «Слова» 1800 г., а не на современные ему издания (за исключением одного места, которое цитируется по изданию 1912 года). При этом не будем забывать, что первое издание было труднодоступным, так как большинство экземпляров погибли в пожаре 1812 года. Это необычно для представителя естественных наук, к коим принадлежал П. Н. Савицкий. Естественники не придают значения тому, по какому изданию цитируется что-либо, для них первично содержание. Культура цитирования — родовая черта гуманитария-филолога. Получается, что Савицкий в данном случае, вопреки собственным рекомендациям, подошел к тексту как филолог, а не как географ (благодарим Б. В. Орехова, который указал нам на эту деталь).

³ См. Савицкий П.Н. «Литература факта» в «Слове о полку Игореве» // Sveslavenski zbornik. Spomenica o tisućogodisnjici hrvatskoga kraljevstva, U Zagrebu, 1930. С. 344—354.

⁴ Логовиков П.В. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Издание евразийцев. Париж, 1931. С. 57.

лишь с особенностями биографий писателей, а как вполне закономерный процесс, являющийся элементом колонизации политической и экономической. Колонизирующий народ, в данном случае — русские, занимая новые территории, осваивает их не только практически (устанавливая администрацию, подчиняя себе автохтонное население, строя города, дороги), но и теоретически (географические, экономические прочие описания) и эстетически. Последний род освоения осуществляется при помощи искусства, в частности литературы. В произведениях литературы описываются новые земли, их ландшафты и пейзажи, флора и фауна, быт и история населяющих их народов, создается географически-культурный образ новых территорий, через призму которого их будут рассматривать представители общества, в том числе политики, экономисты и т.д. (хотя вплетенность литературных образов в ткань политических идеологий и управленческих практик не следует воспринимать слишком уж примитивно и детерминистски). Поскольку писатели, создающие такие образы, входят в традицию национальной литературы и развивают имеющиеся в ней темы, архетипы, стереотипы, ценности, эти образы включаются в общий образ страны. Новые территории в сознании людей становятся неотъемлемой частью их Родины.

Перед нами оригинальная русская версия науки, которая была создана на Западе Эдвардом Саидом — автором знаменитого «Ориентализма» и была названа им имагинативной географией (теперь она зовется «ментальной географией»). Отличие геоэтики Савицкого от западной ментальной географии состоит в том, что для Савицкого, осваивая пространство географического мира, народ познает его, вскрывает его внутреннюю организующую идею, которая коррелирует с организующей идеей самой культуры народа (в этом смысл утверждения Савицкого о том, что каждый народ находит свой, предназначенный ему Богом географический мир). Для географии Савицкого, которую он не случайно называл геософией, пространство — не просто совокупность физических объектов, а система символов, Божественное послание народам об их предназначении. Так устройство пространства России-Евразии таково, что оно указывает народам России на необходимость создания большого государства¹. Литература, также как и науки, позволяет лучше понять это «послание».

* * *

Ниже мы публикуем ранее нигде не печатавшуюся² статью П. Н. Савицкого о литературе, о которой нужно сказать несколько слов.

«Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца)» — статья, написанная П.Н. Савицким в ноябре 1925 г., и подвергшаяся существенному редактированию автором не позднее марта 1926 г. В статье высказывается ряд оригинальных литературоведческих идей — о «литературной колонизации России», о неравномерности в развитии различных искусств в ходе русской истории, о связи русской и советской литературы (которые выше мы уже описали). Эти идеи позднее Савицкий будет развивать в своих работах «Литература факта» в «Слове о полку Игореве», «Место действия в русской литературе (географическая сторона русской литературы)». Имеющиеся в статье мысли

¹ Савицкий П. Н. Континент-Евразия. — М.: Аграф, 1997. С. 301.

² На это указывает К. Б. Ермишина — публикатор писем Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому. См. Н. С. Трубецкой Письма к П. П. Сувчинскому 1921—1928. — М., 2008. С. 367.

упоминаются и обсуждаются в переписке Н. С. Трубецкого и П. П. Сувчинского данного периода. Тут следует отметить, что в 1920-е годы руководители евразийства — Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, оказавшиеся в разных анклавах русского зарубежья, вели активную переписку, которая касалась не только деловых, но и теоретических и идеологических вопросов. Иногда они писали письма друг другу каждый день, причем, письма размножали на машинке, и копии рассылались другим участникам «тройки». Они исповедовали концепцию, согласно которой евразийство есть плод не каждого из них как индивидуальности, а всей «тройки» как коллективной, симфонической личности, отсюда совместная работа над программными текстами, где трудно оценить степень участия каждого по отдельности. Знакомство с этой перепиской таит в себе еще множество открытий. В частности, она проливает свет на судьбу статьи Савицкого о новой литературе. Так в письме к П. П. Сувчинскому от 31 декабря 1925 года Н. С. Трубецкой писал: «... Элкин (П. Н. Савицкий) ... написал, по-моему, очень интересную статью о современной русской литературе с исторической и географической точки зрения (подход оригинальный и, по-моему, ценный; я бы только считал, что четкость и оригинальность еще выиграла бы, если бы очистить статью от всякого эстетического подхода, сделав ее таким образом, чисто спец-овской)»¹. Через несколько страниц Трубецкой возвращается к статье Савицкого и пишет: «ПН вводит интересное понятие литературной колонизации России. Прослеживая по карте географическую локализацию отдельных литературных произведений, он устанавливает, что одни области литературно-колонизированы густо, другие — плохо и что направление колонизации в разные эпохи различно; напр (имер), одно время усиленно «колонизировали» Кавказ, а за последнее время — Поволжье; Туркестан почти совсем не колонизирован. Интересно было бы проделать то же самое относительно музыки ... Потом, в той же статье есть еще интересная мысль о смене искусств во главе угла русской культуры: в допетровскую эпоху и вплоть до начала XIX века во главе угла стоят живопись и архитектура, а литература плетется в конце; но с 40-х годов XIX века во главе угла стоит литература, а архитектура и особенно живопись отступают на задний план; начало XIX века — переходная эпоха в этом отношении. Я бы к этому добавил еще и то, что прежде литература находилась под влиянием живописи «жития — иконы в словах», а в XIX веке наоборот (передвижники, например, Репин, Васнецов и т.д.)»². Заметим, кстати, что последнее замечание Трубецкого Савицкий учел в окончательном варианте статьи.

В письме к Сувчинскому от 5 марта 1926 года Трубецкой снова упоминает эту статью: «О статье ПНС по новой русской литературе Вы напрасно беспокоитесь. Я читал ее в Праге. В ней были отдельные эстетические суждения, но я посоветовал ПНС их вычеркнуть независимо от того, хороши ли они или плохи, просто потому, что они нарушали целостность самого построения. Он согласился со мной и я думаю, что без этих эстетических суждений статья выйдет очень интересной, оригинальной и ценной. В этой статье просто взяты произведения разных современных прозаиков с двух точек зрения — «связи времен» и географической локализации, и устанавливается два интересных факта: описывая со-

---

¹ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921-1928 М., 2008 С. 161.

² Там же. С. 167.

временность, новые русские прозаики ощущают потребность связать эту современность с далеким прошлым (ряд примеров, наиболее яркий — «Петушихинский пролом» Леонова, где в начале рассказывается о Пафнутии Боровском), а во-вторых место действия современных рассказов очень часто находится в наиболее «евразийских» частях России (Поволжье стало таким же модным местом литературного действия, каким в первой половине XIX в. (ека) был Кавказ. К этому примыкают некоторые интересные общие соображения)¹.

В письме к Сувчинскому от 26 апреля 1926 года Трубецкой снова написал об этой статье: «Теперь ПНС дал мне на переработку свою статью «Историко-географические заметки к современной русской литературе»; об этой статье мы с ним много говорили и я считаю, что при известной переработке (главным образом, при условии выключения историко-литературных экскурсов, мешающих цельности впечатления), статья эта может выйти интересной. Но я прямо содрогаюсь при мысли о том, сколько крови придется испортить и сколько ненужных усилий придется потратить на искание компромиссных формул при обсуждении этой статьи в «пленуме» редакции «Временника»².

Итак, очевидно, статья П. Н. Савицкого «Историко-географические заметки по поводу новой русской литературы (заметки евразийца)» предназначалась для пятой книги «Евразийского временника», которая вышла в 1927 году. Но ни там, ни в каком-либо другом евразийском издании она так и не появилась (в пятом «Евразийском временнике» была напечатана другая статья П.Н. Савицкого «К вопросу о государственном и частном начале промышленности»).

Определенный свет на этот вопрос проливает переписка Н. С. Трубецкого и П. П. Сувчинского. В письме от 1 февраля 1927 года Н. С. Трубецкой с одобрением пишет П. П. Сувчинскому о проекте А. Зайцева разделить материалы, имеющиеся в редакционном портфеле, на два номера — пятый и шестой³. В письме от 8 февраля того же года Трубецкой возмущен тем, что «фактически редактором временника оказывается какой-то Зон (Зайцев А. А.) и статьи двух основоположников бросаются в корзину»⁴ и обвиняет в интригах против основоположников также П. Н. Малевского-Малевица, который, будучи казначеем движения, стал вмешиваться в идеологическую и издательскую работу (через бывшего гвардейца П. Н. Малевского-Малевица, проживавшего в Великобритании, практически все 1920-е годы осуществлялось финансирование евразийского движения со стороны английского миллионера-филантропа, поэта и философа Генри Сполдинга). Под двумя основоположниками имеются в виду П. П. Сувчинский, что Трубецкой прямо отмечает в том же письме, и П. Н. Савицкий, так как остальные два основоположника — сам Трубецкой, статью которого Зайцев оставил в номере, и Флоровский, который к тому времени разорвал с евразийцами. Столь пренебрежительное упоминание о Зайцеве связано с тем, что во-первых Зайцев принадлежал к младшим евразийцам, пришедшим в движение достаточно поздно, а во-вторых он не был сколько-нибудь серьезным теоретиком и занимался лишь оргработой. Можно предположить, что Зайцев совместно с Малевским-Малевицем сняли из пятого номера статью Савицкого о литературе, возможно, мотивируя это тем, что

¹ Там же. С. 175.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 232.

она будет помещена в шестом номере (который так и не вышел, поскольку в 1928 году в евразийстве произошел раскол и выпуск «Временников» прекратился). Думаем, после того, как Трубецкой выразил свое возмущение самоуправством парижских евразийцев, был найден компромисс, и в пятом «Временнике» была помещена другая статья Савицкого. Статья о литературе так и осталась в архиве Савицкого и, скорее всего, попала в Москву вместе с той частью архива, которая была конфискована НКВД в 1945 году после ареста Савицкого органами СМЕРШ.

Хранится она в ГАРФ (ГАРФ. Ф. Р—5783. Оп. I. Д. 52.) и в 1990-х годах, когда многие архивные материалы евразийцев были опубликованы, внимания исследователей не привлекла.

Находящаяся в архиве статья представляет собой две стопки машинописного текста. Первая стопка — машинописная копия (видимо, с оригинала, написанного от руки) первоначального законченного варианта статьи (судя по письмам Трубецкого, это именно тот вариант, который был написан осенью 1925 г., его Савицкий показывал Трубецкому в Праге и его, возможно, он переслал Трубецкому для редактирования и подготовки к публикации). Озаглавлен этот вариант «Историко-географические заметки по поводу новой литературы».

Вторая стопка — еще одна машинописная копия того же текста, но с исправлениями, сделанными рукой Савицкого (на что однозначно указывают инициалы в скобках — П.Н.С.). Очевидно, параллельно Трубецкому, Савицкий и сам произвел редактирование. Добавлено подназвание: «заметки евразийца». Исправления в самом тексте местами существенные (вычеркнуты целые абзацы и даже страницы старого варианта, присовокуплены страницы нового варианта, написанные от руки). Состояние второй копии с исправлениями хуже, местами текст плохо прочитывается. Это окончательный вариант статьи, который, судя по всему, был уже готов к публикации. Между заглавием и текстом помета Савицкого: «Нигде не напечатанная статья 1925-1926 годов. Заключает в себе ряд исторических идей общего значения» (можно предположить, что помета была сделана позже). Перед текстом рукой Савицкого помета для наборщика: «Текст, воспроизведенный густо (без пропуска строчки!) набирается петитом без особой о чем отметки». После текста и подписи «Петр. Ник. Савицкий» помета от руки «ноябрь 1925 — март 1926».

Статья написана в старой орфографии, состоит из четырех частей, озаглавленных римскими цифрами.

При публикации мы привели текст в соответствие с нормами современной орфографии. Первый вариант текста, если он расходится с окончательным и вычеркнут Савицким, помещен в концевых сносках, примечания самого Савицкого — в постраничных.

Выражаем сердечную благодарность сыновьям Петра Николаевича Савицкого — Ивану Петровичу и Николаю Петровичу Савицким за любезное разрешение опубликовать этот текст их отца. Хочется также поблагодарить к. филол. н. Б. В. Орехова (г. Уфа) за содействие в подготовке текста к печати и А. Л. Поляна (г. Москва) за неоценимую помощь в архивной работе.